АРХИВ УТРАЧЕННЫХ НОЧЕЙ

18+

Ева Арден

Архив утраченных ночей

«Автор»

2026

Арден Е.

Архив утраченных ночей / Е. Арден — «Автор», 2026

В городе, где вампиры платят за кровь собственными воспоминаниями, любовь может стать самой страшной потерей.Алиса Левина привыкла доверять документам, а не людям. Но однажды она обнаруживает запись о смерти человека, которого видела живым всего день назад.Расследование приводит её к Матвею Ренну — загадочному вампиру, хранящему тайны чужих жизней. Он опасен, слишком многое скрывает и не помнит собственных грехов.Между ними вспыхивает притяжение, которому нельзя поддаваться. Ведь чем ближе Алиса к разгадке трагедии двадцатидевятилетней давности, тем страшнее правда о мужчине, которому она начинает доверять своё сердце.Что, если однажды он забудет её имя, её прикосновения и саму причину, по которой полюбил?Мрачная, чувственная история о запретной любви, предательстве и бессмертии, за которое приходится платить самым дорогим.

© Арден Е., 2026
© Автор, 2026

Ева Арден
Архив утраченных ночей

ЕВА АРДЕН
РЕЕСТР ЗАБЫТЫХ СЕРДЕЦ
Роман
Тёмное романтическое фэнтези · 18+
Авторская рукопись для редакционного рассмотрения

АННОТАЦИЯ

В Невене мёртвые продолжают сдавать кровь. По крайней мере, так утверждают городские документы. Реставратор Вера Неретина находит список доноров, похороненных много лет назад, и подпись Марка Велича — бессмертного регистратора, причастного к исчезновению её отца. Марк знает, что закон способен защитить людей. Знает и то, как легко его превратить в орудие насилия. Но у каждого глотка крови есть цена: новое чужое воспоминание вытесняет одно его собственное. Чтобы остановить преступление, Вере придётся доверить расследование человеку, которому она не готова доверить сердце. А Марку — открыть правду о ночи, после которой она осталась без отца. Когда город окажется на грани голода и беспорядков, любовь не поможет им отменить прошлое. Она потребует от обоих гораздо большего — сделать выбор, за который можно отвечать, даже если память однажды исчезнет.

«Каждый глоток крови стирает часть его прошлого. Однажды он забудет женщину, ради которой готов потерять вечность.»

ГЛАВА 1. ТЕ, КОГО НЕ СУЩЕСТВУЕТ

Человека можно похоронить дважды. Первый раз — когда он умирает. Второй — когда город решает, что он умер, хотя по-прежнему дышит.

Вера Неретина узнала об этом в понедельник, в двадцать три минуты второго, когда попыталась смыть с листа семнадцатилетнюю копоть и увидела под ней дату завтрашнего дня.

В реставрационной мастерской было тихо. За окнами дождь прочерчивал узкие полосы света на фасаде Главного архива Невена. Ночное дежурство считалось наказанием, но Вера предпочитала его дневным экскурсиям, объяснениям с начальством и голосам посетителей, которые трогали ветхую бумагу липкими пальцами. Бумага, по крайней мере, не лгала намеренно. Она сохраняла даже ложь — волокнами, подписями, толщиной чернил.

Лист лежал под стеклом. В верхнем углу значилось: «Реестр завершённых жизней». Ниже шли фамилии умерших, номера удостоверений, подписи регистраторов. Находка была частью коробки, обнаруженной после недавней протечки в старом крыле. Все документы проходили как списанные: их полагалось высушить, описать и решить, какие можно уничтожить.

Вера наклонилась ближе. Завтрашняя дата стояла в графе «последнее добровольное донорство» напротив имени Таисии Рекут. А в графе «дата смерти» — июнь две тысячи девятнадцатого года.

— Очень смешно, — сказала Вера пустой комнате.

Она проверила химический карандаш на соседнем поле, затем печать и слепок бумаги. Чернила были свежими: слой поверх старого лака ещё не успел полностью связаться. Кто-то не просто подделывал прошлое. Кто-то регулярно дописывал его.

Следующая фамилия относилась к умершей в две тысячи одиннадцатом. Донорство — три недели назад. Ещё один мужчина скончался, согласно записи, в прошлом декабре, но пять дней назад сдал двести миллилитров крови. В графе основания — «Соглашение о ночном попечении». Такой формулировки Вера не встречала ни в одном открытом муниципальном постановлении.

Она сняла лист с подложки. Номер бланка в правом нижнем углу был не архивным: слишком новый шрифт для дела, закрытого семнадцать лет назад. Это означало, что в коробку со старыми бумагами намеренно подмешали свежий экземпляр. Или кто-то очень хотел, чтобы он выглядел старым.

На последней строке Вера увидела подпись, которую знала с шестнадцати лет.

М. Велич.

Сейчас этой подписью заверяли ночные лицензии и разрешения на донорство. Семнадцать лет назад ею был завизирован приказ закрыть архивное крыло во время пожара, в котором исчез Лев Неретин, её отец. Тогда власти заверили, что он покинул здание до обрушения. Домой он не вернулся. Тела не нашли. Когда мать спросила, почему никто не ищет дежурного архивиста, чиновник ответил: «Сведения уточняются».

С тех пор Вера ненавидела эту фразу сильнее любого ругательства.

Вера не сразу осмелилась прикоснуться к листу снова. Сначала сняла очки, потёрла переносицу и попыталась вспомнить, что именно собиралась делать до открытия списка. Ей полагалось очистить пятьдесят восемь страниц, сверить номера коробок, составить заключение о сохранности фонда. Простая, почти механическая работа. Сейчас эти обязанности казались невыполнимыми. Она положила лист под косой свет и увидела, что под подписью отпечатался край другой формы. Кто-то использовал один и тот же металлический штамп десятки, может быть сотни раз.

Бумага распухла в том месте, где её много раз увлажняли. Вера провела по поверхности ватным тампоном, не касаясь текста, и сравнила старый фон с новым. В первых строках чернила просочились внутрь волокон. В последних буквы лежали ровно, с непривычным лоском. Значит, бланк был не заново созданным фальшивым старинным документом: его действительно продлевали, на протяжении многих лет наращивая чужие жизни на чужую смерть.

Она нашла в коробке ещё три такие формы. Все были проложены ненужными ведомостями о покупке угля. На одном листе стояла резолюция, подписанная Галиной Мироновой — заведующей хранилищем, у которой Вера когда-то училась не бояться рассыпающейся бумаги. Вера набрала её номер. Галина обычно выключала телефон ночью, но на четвёртом гудке ответила раздражённым голосом.

— Если опять течёт крыша, не вздумай сама лезть в чердак. Пусть дежурный вызывает ремонтную бригаду.

— Галина Борисовна, когда вы принимали коробку сорок семь-бис?

— Что?

— Фонд закрытых медицинских распоряжений. На обложке ваш старый штамп.

Повисло молчание.

— Отойди от коробки, Вера.

Она невольно посмотрела на дверь.

— Почему?

— Потому что в своё время мне велели уничтожить её полностью. Я оставила несколько листов, думала, однажды смогу разобраться. Теперь у меня плохое предчувствие. Ты одна?

— Пока да.

— Не спорь со мной. Сними копии, зафиксируй, где нашла. И не передавай ничего по внутренней почте. Если на верхнем листе есть фамилия Неретин, никуда не уходи без свидетеля.

У Веры заледенели пальцы.

— Почему именно моя фамилия?

— Твой отец перед исчезновением просил меня забрать из нижнего крыла вторую опись. Я тогда испугалась. Сказала, что не хочу терять работу из-за его расследований. Он ответил: «Работа нужна, чтобы можно было жить, а не чтобы молчать». Я больше его не видела.

Вера услышала по трубке кашель и шум чайника. Представила маленькую кухню Галины, где на подоконнике росла хилая герань, а над дверью висело старое расписание архивных смен. Эта женщина не была ни героиней, ни преступницей. Она боялась и всё же оставила бумагу. Семнадцать лет жил кто-то ещё, кто мог сказать хоть слово об отце, но не находил в себе сил позвонить его дочери.

— Почему вы молчали? — спросила Вера.

— Потому что думала, что его уже не вернёшь. И потому что мне было стыдно. Прости. Я не прошу тебя понять.

Разговор оборвался коротким гудком. Вера стояла с телефоном в руке. Её первая реакция была почти детской: позвонить снова и потребовать ответа, который всё исправит. Но Галина дала ей то, что могла, — настоящее свидетельство, не утешительное, не придуманное. Вера записала время разговора и точные слова, пока не начала домысливать за собеседницу.

На рабочем столе лежала металлическая линейка отца. Она досталась Вере после того, как опечатали его кабинет. У края сохранилась отметина от зубов маленькой Веры: когда ей было восемь, она пыталась удержать линейку зубами, чтобы освободить обе руки для бумажного домика. Отец рассмеялся и сказал, что никакая наука не отменяет необходимости иметь третью руку. На следующий день он принёс зажимы. С тех пор Вера пользовалась такими же.

В девять лет она хотела стать врачом. В двенадцать — адвокатом, потому что адвокаты на экране всегда знали, что говорить. В шестнадцать ничего не хотела. После пожара взрослые говорили об отце всё более осторожно, словно с каждой неделей он превращался в неудобное слово. Вера помнила, как мать стирала его рубашки, не решаясь убрать их из шкафа. Как почтальон перестал приносить письма с его именем. Как директор школы предложил написать в сочинении, что отец погиб, поскольку «так детям легче понять». Вера тогда порвала тетрадь. Ей было не легче; ей было невыносимо, что чужие люди берутся определять, что она должна чувствовать.

Мать умерла пять лет назад после долгой болезни. Перед самой смертью попросила дочь только об одном: «Когда-нибудь разреши себе жить не в ожидании». Вера обещала. И нарушала обещание, хотя считала себя человеком, не позволяющим прошлому руководить настоящим. Она жила одна, водила мать к врачам, а после похорон вернулась в архив на два дня раньше положенного. Любой близкий человек мог спросить, почему она выбирает работу, где постоянно видит имя отца. Ответ был слишком простым, чтобы его произнести: здесь исчезновение имело форму документа, а с документами она умела обращаться.

Вера снова включила косой свет. В тёмном углу листа проступил след прокола: две близко расположенные дырочки, оставленные архивным штифтом. Она сопоставила их с копотью на обороте и поняла, что документы когда-то были собраны в общую книгу. А затем кто-то снял переплёт, разложил страницы по разным коробкам и попытался уничтожить порядок. Схема была знакомой: так поступали с материалами, чью взаимосвязь хотели скрыть. Но нумерация на краях уцелела.

Пятьдесят восьмая страница, двадцать третья, четвёртая. Остальных не было.

Она выписала номера по возрастающей, достала старую инвентарную опись и обнаружила, что книга первоначально хранилась вовсе не на третьем этаже. Её перенесли сюда из нижнего медицинского корпуса в день пожара. В графе ответственного за перемещение значилось то же имя, что и под донорскими записями.

М. Велич.

Вера вспомнила последнее выступление этого человека на городских слушаниях. Он говорил о праве ночных на безопасную помощь без дискриминации. Телеведущая называла его символом мирного сосуществования. Вера выключила телевизор и пошла мыть посуду. Её раздражало, что человек, причастный к исчезновению отца, превратился в неподсудную достопримечательность Невена.

Теперь его подпись была перед ней не на экране, а в документе, который можно проверить. Она сверила нажим с газетной репродукцией 2009 года: изгиб первой буквы оказался одинаковым, но расстояние между хвостами двух последних — подозрительно ровным. Ручная подпись, повторённая столько раз, неизбежно изменялась. Эта не изменялась. Кто-то использовал матрицу. У Веры был ещё не ответ, но уже гипотеза, которую можно доказать.

Она записала на чистом листе: «Подпись идентична по геометрии на разновременных записях. Вероятный механический оттиск. Требуется экспертиза». После этого перечеркнула мысль, которую не хотела пока признавать: если подпись поддельная, Марк Велич может оказаться не единственным виновным. Ненависть, прожившая семнадцать лет, не освобождала от обязанности проверять факты.

В коридоре что-то мягко скрипнуло. Вера подняла голову. На этот раз звук был слишком близко, чтобы списать его на трубы. Она медленно накрыла лист чистой прокладкой, как учили в начале профессии, и взяла телефон.

Она сфотографировала лист, хотя знала: снимок не заменит происхождения оригинала. Открыла журнал приёма, отметила час и температуру. Затем, подчиняясь привычке, зажала угол документа чистой бумагой и вложила его в конверт. Только после этого заметила, что дверь мастерской приоткрыта.

В отражении оконного стекла стоял мужчина в тёмном плаще. Он не пытался скрыться. Его неподвижность была настолько полной, что первое мгновение Вера приняла его за часть мебели.

— Ключ вам дали в приёмной? — спросила она, не оборачиваясь.

— Не стану говорить, что да.

Голос был негромким, с лёгкой хрипотцой, как у человека, долго не пользовавшегося им. Вера включила верхний свет. Незнакомец моргнул, защищаясь от резкой белизны ламп. Он выглядел лет на сорок: сухое лицо, тёмные волосы с серебристой прядью у виска, узкие руки без украшений. На левом запястье — старые часы с остановившейся секундной стрелкой.

— Тогда вы проникли в закрытое помещение, — сказала Вера. — Я вызову охрану.

— Охрана сейчас получает приказ эвакуировать третий этаж. Через четыре минуты здесь объявят пожарную тревогу. Вам нужно уйти раньше.

— Какая забота. А кто вы?

— Марк Велич.

Имя не прозвучало угрозой. Оно всего лишь стало фактом, с которым пришлось дышать.

Вера медленно положила телефон экраном вниз.

— Вы стали моложе, — сказала она.

— Скорее, перестал стареть.

— Шутка неудачная.

— Согласен.

Она внимательно посмотрела на него. Ночные жители Невена не были сказкой. Их юридическое существование признавали со времени Пакта о совместном проживании. В городе работали пункты добровольного донорства, существовала лицензия на ночную практику, специальные клиники и отдельные статьи уголовного кодекса. Но личная встреча с бессмертным неизменно казалась зрителям зрелищем. Вера не чувствовала восторга. Она слишком хорошо помнила фотографию Велича у запечатанной двери архива — ту самую, которую вырезала из старой газеты и хранила в столе.

— Вы пришли за бумагой, — сказала она.

— Да.

— Прекрасно. Тогда расскажите, почему мёртвые люди сдают кровь. Желательно до того, как вы решите меня запугать.

Он посмотрел на конверт, потом на её руки.

— Когда вы нашли его?

— А когда вы научились задавать вопросы вместо ответов?

— Достаточно давно. Это дурная привычка.

Марк сделал один шаг. Вера отступила к лабораторному столу, где лежали реставрационные ножи. Он остановился сразу — раньше, чем её пальцы коснулись металла.

— Я не собираюсь вас трогать.

— В вашу пользу говорит только то, что я ещё не слышала сигнализацию.

— Дайте мне номер этого листа. Я проверю, откуда его перенесли.

— И вычеркнете из реестра?

Он не ответил. В эту паузу Вера впервые увидела не холодность, а усталость: словно в его голове уже прозвучал какой-то ответ, который он счёл непозволительным произнести.

Из коридора потянуло гарью. Вера принюхалась.

— Вы устроили пожар?

— Нет. Но если мы задержимся, нас обоих сочтут его причиной.

За дверью щёлкнул замок. Кто-то проверил ручку снаружи и не вошёл.

Марк обернулся. Вера заметила, как изменилась его осанка. Не испуг, а точное внимание хищника. Он схватил со стола металлический поднос и поставил его перед дверью как нелепый щит.

— Вера, пригнитесь.

Она едва успела присесть. Через стеклянную вставку двери ворвался металлический болт — не пуля, а узкий арбалетный стержень с тяжёлым наконечником. Он пробил поднос и впился в шкаф за ними. Вера ощутила у щеки горячий воздух, потом услышала звон рассыпавшихся пробирок.

— Вы принесли с собой охотников? — выдохнула она.

— Было бы невежливо.

Марк ударил в дверь плечом. Дерево треснуло, цепь сорвалась с петли. В коридоре кто-то ругнулся. Вера увидела серую фигуру, скрытую дымом; на рукаве мелькнула эмблема муниципальной пожарной службы. Незнакомец упал, когда Марк вывернул ему руку, но поднялся слишком быстро для человека, пытающегося задержать нарушителя.

— Окно, — сказал Марк.

— Мы на третьем этаже.

— Поэтому я предлагаю лестницу у окна. Не само окно.

По решётчатой пожарной лестнице шумела вода. Вера не любила высоту, но ещё сильнее не любила пустых свидетельских показаний. Она сунула конверт под жакет, подняла из-под стола свой рюкзак и выбралась наружу. Металл был скользким; на втором пролёте нога сорвалась. Холодная ладонь поймала её за локоть — без рывка, без демонстрации силы.

— Я держу, — сказал Марк.

Она ненавидела, что ему пришлось это говорить.

На заднем дворе ждал служебный фургон архива. За рулём сидела женщина в пожарной форме. Увидев беглецов, она ударила по газам. Марк толкнул Веру за контейнер для стекла, и машина, скрежеща бортом о железные ворота, пронеслась мимо. Вера успела разглядеть номера. Она повторила их вслух трижды, пока не поняла, что запомнила.

Они вышли к трамвайной остановке, где люди с зонтами толпились под навесом, словно ночной город был совершенно обычным и безопасным. Вера хотела вызвать полицию; Марк не возражал. Это насторожило её сильнее любых запретов.

— На кого вы работаете? — спросила она.

— На городской реестр.

— Вам платят за каждую смерть отдельно?

— Нет. Иногда хочется, чтобы платили за каждую предотвращённую.

— Красиво сказано. Запишите себе, вдруг забудете.

Он опустил взгляд на свои остановившиеся часы.

— Именно поэтому и записываю.

Вера поймала себя на раздражающем любопытстве. Ночные о памяти почти не говорили. В справочнике, который она когда-то читала назло матери, утверждалось: человеческая кровь сохраняет их тело, но меняет сознание, оставляя вместо собственного воспоминания один яркий чужой эпизод. В популярных романах это изображали как страстный обмен душами. Реальные медицинские отчёты называли явление когнитивной потерей. Никто не обещал, что потеря будет романтичной.

— Вы помните моего отца? — спросила Вера.

Марк поднял голову. Этот вопрос, судя по его лицу, он ожидал давно.

— Помню, как он смеялся, когда терпел поражение в споре. И как носил в кармане мел, хотя уже никто не писал на досках.

Вера не ожидала именно этого. Её отец действительно носил короткий меловой обломок: им он ставил метки на деревянных ящиках с фондами. Даже дома на тёмной куртке оставались белые следы. Об этом не писали в газетах.

— Где он? — спросила она.

Трамвай подошёл с дребезгом. Марк не двинулся к двери.

— Не могу дать вам ответ, которому вы сможете поверить без доказательств.

— Вы знаете, жив ли он?

— Я знаю, что официальная запись о его исчезновении ложна.

Вера ощутила, как промокшая ткань прилипла к спине. В течение семнадцати лет она искала эту фразу в каждой справке, в каждом отказе, в каждой лестничной клетке, куда её приводили слухи. И вот её произнёс человек, которого она обвиняла во всём.

— Тогда начните с правды, — сказала она.

Марк хотел ответить, но остановился. Подошедший трамвай осветил его лицо. При этом жестоком свете Вера заметила тонкий шрам вдоль воротника и странную неподвижность зрачков. Мужчина оглянулся на отражение в дверях: позади них, по другую сторону дороги, стояли двое в одинаковых серых плащах. Один держал телефон на уровне груди. Они не смотрели на остановку — это и выдавало их.

— Если вы пойдёте домой, они найдут вас по адресу в архивной карточке, — сказал Марк. — Дайте мне час. Я покажу вам то, что скрывали от вашего отца.

— Почему не полиции?

— Потому что приказ о вашем задержании уже подписан уполномоченным городской палаты. В нём написано, что вы пытались похитить исторический материал.

— Вы его видели?

— Я видел заготовку. Окончательную версию заполнят утром.

— Выходит, преступление ещё не совершено, а обвинение уже готово.

— В Невене это старый приём.

Вера подошла к расписанию, делая вид, что изучает маршрут. В стекле киоска она видела людей в плащах. Один из них потянулся к карману. С её стороны невозможно было определить, что там — оружие или удостоверение.

— Мне нужно позвонить подруге, — сказала она.

— Звоните.

Она набрала Дину Аверину, судебного врача, с которой дружила ещё со времён университета. Когда та подняла трубку, Вера продиктовала номера фургона, адрес остановки и фамилию Марка. Добавила: «Если до утра не позвоню, иди не к полиции, а к своему главврачу. Он знает, что делать с потерянными образцами». Дина не стала спрашивать, почему Вера разговаривает загадками. Её ответ был короче: «Дыши. Всё записала».

Марк слушал, не вмешиваясь.

— Теперь вы, — потребовала Вера. — Кто знает, что я с вами?

Он вынул из кармана маленькую чёрную книжку, нашёл страницу и протянул ей. Там его аккуратным почерком стояло: «Неретина Вера Львовна. Не обещать того, чего не сможешь доказать. Не прикасаться без спроса. Не давать ей фальшивых надежд».

Внизу, другим цветом чернил: «Если она спросит про Льва — рассказать всё».

— Когда вы это записали? — спросила Вера.

— Сегодня днём.

— С чего вы решили, что я вообще найду список?

— Потому что это я велел перенести коробку в вашу мастерскую.

От такого признания дождь будто стал громче.

— Вы заманили меня.

— Я не смог вывести дело из Палаты один. Ваш отец пытался. Я думал, вы сможете увидеть то, что никто из нас уже не замечает.

— А если бы я отказалась?

— Вы бы сохранили свою жизнь в привычном виде. По крайней мере, я на это рассчитывал.

— Очень удобно: рисковать моей жизнью и называть это выбором.

— Да, — сказал он. — Удобно. И непростительно. Я должен был предупредить заранее.

На другой стороне улицы двое начали переходить дорогу. Вера закрыла книжку и вернула её Марку.

— Час, — сказала она. — Я пойду с вами только до первого проверяемого факта. И запомните: если вы солжёте мне об отце, никакая ваша вечность не поможет.

Он кивнул так, словно принимал не угрозу, а договор.

Они сели в трамвай через разные двери. За окнами проплывали мокрые афиши, маленькие пекарни, чернеющая река. Невен не выглядел городом, в котором мёртвые были обязаны являться на донорство по расписанию. Он выглядел городом, где утром будут продавать горячий хлеб и спорить о дорожных работах. Возможно, подумала Вера, зло и держится на том, что умеет проживать под этой обычностью.

На сиденье напротив пожилой мужчина читал газету. В разделе официальных объявлений крупным шрифтом сообщалось об открытии нового центра «Тихого фонда» — благотворительной программы для поддержки ночных граждан. По соседству была реклама лотереи и скидок на зимние сапоги. Вера узнала логотип в углу листа, который несла под жакетом: белая линия, похожая на закрытый глаз.

— «Тихий фонд», — произнесла она.

Марк положил ладонь на поручень. На секунду его пальцы побелели.

— Вижу, вы уже нашли первый факт.

— Не факт. Совпадение эмблемы.

— Прекрасно. Значит, вы пока мне не верите.

Вера повернулась к нему.

— А разве вы хотите, чтобы я верила?

Марк посмотрел на отражение огней в стекле. За спиной у него город дробился на множество коротких, несовпадающих жизней.

— Я хочу, чтобы, когда я перестану помнить, кто в этом виноват, вы знали правду.

И прежде чем Вера успела спросить, что это значит, он добавил:

— Ваш отец оставил свидетельство. Оно спрятано под тем местом, где семнадцать лет назад начался пожар.

ГЛАВА 2. ЗАКОН КРОВИ

Под архивом, по заверениям городской управы, не было ничего, кроме старого фундамента. Вера знала: управе не стоило верить на слово. Три года назад, когда меняли отопление, рабочие нашли шахту дореволюционного лифта и комнату, замурованную кирпичом. Там хранились книги регистрации ночных жителей — ещё до того, как закон разрешил писать слово «вампир» в официальном документе.

Марк привёл её не в эту комнату, а в кофейню у Северного моста. Хозяйка, полная седая женщина, молча выставила перед ним чашку тёплой воды и перед Верой — крепкий чай. Заведение называлось «Между сменами» и было почти пусто. За столиком у двери студентка уснула на распечатках. Пекарь носил мешки с мукой, словно ничто в мире не представляло опасности.

— Вы обещали свидетельство, — сказала Вера.

— Я обещал показать, где его искать. Доступ туда откроют утром под видом обследования пожара. До этого надо понять, кто охотится за вами.

— Вы любите менять условия разговора?

— Только когда из-за старых условий кто-нибудь умирает.

Вера вынула из рюкзака тетрадь и записала всё, что уже знала: свежие записи среди старых, три умерших донора, подпись Марка, эмблема фонда, приказ на её задержание. Она повернула тетрадь к нему.

— Добавляйте. Устно больше ничего не принимаю.

Он не улыбнулся. Достал ручку, но прежде чем сделать запись, аккуратно вывел дату: «2 ноября». Ниже написал: «Тайные списки не равны юридическому Реестру. Подпись на бланках похожа на мою; происхождение не установлено. Я требовал внутреннюю проверку 12 сентября, получил отказ».

— Кому требовали? — спросила Вера.

— Ирине Ратовой. Председателю Палаты ночного надзора.

— Я видела её по телевидению. Она добилась бесплатного донорского обследования.

— И настояла, чтобы государственные ночные банки передали в управление «Тихого фонда».

— Одно не отменяет другое. Бывает, люди делают полезное, чтобы скрыть худшее.

— Именно.

Она изучила его почерк. Воспоминание об отцовских пометках на полях всплыло так отчётливо, что стало больно. Лев никогда не любил пустых строчек. «Если оставишь пространство, кто-нибудь впишет туда за тебя», — говорил он. Тогда Вера думала, что это архивная предусмотрительность. Теперь — что он понимал мир слишком хорошо.

— Вы действительно вынуждены пить кровь? — спросила она. — Не ради страшной истории, а как пациент на диализе?

Марк принял сравнение без обиды.

— Без неё наши клетки перестают восстанавливаться. Сначала хуже заживают порезы и снижается температура. Потом обостряются запахи, исчезает сон и рушится способность отказываться от немедленного желания. В конце наступает состояние, в котором человек рядом воспринимается только как источник пищи. Нам нельзя до этого доводить.

— Сколько нужно?

— Зависит от возраста и повреждений. Мне — примерно двести миллилитров раз в десять дней при нормальных обстоятельствах. Доноры имеют право сдавать кровь лишь в пределах человеческих медицинских норм; поэтому одна лицензия требует нескольких добровольных участников. У каждой сдачи есть врач, анализы, период восстановления. По закону.

— А если кровь чужая?

— Любая человеческая кровь чужая. Важнее согласие.

Вера оценила ответ. За ним не слышалось привычного оправдания «я такой по природе». Но природе, судя по его лицу, было глубоко безразлично, какие формулы написаны в кодексе.

— А память? — спросила она.

Марк долго смотрел на чашку с водой.

— У донора остаётся его жизнь. У меня после кормления появляется яркий фрагмент, которого я не проживал: запах детского пальто, звон разбитой чашки, чья-то свадьба. И исчезает один эпизод моей собственной биографии. Чаще незначительный. Иногда целый год словно теряет отдельную дверь. Я могу знать факт, потому что записал его, но не могу вспомнить ощущение. Чужие воспоминания не дают власти над людьми и не годятся для суда. Они неупорядоченные, искажаются, а иногда принадлежат событию, которое донор лишь вообразил.

— Поэтому вы носите записи.

— Поэтому. И потому, что однажды забыл, как звали женщину, которую похоронил.

Он сказал это без того нажима, с которым влюблённые злодеи обычно торгуют своими страданиями. Вера почувствовала неловкость от собственной настороженности, но тут же напомнила себе, что сочувствие не является доказательством невиновности.

— Зато подпись ваша на приказе о пожаре, — сказала она.

— Да.

— И вы жили дальше.

— Да.

Пекарь прошёл мимо с подносом горячих булочек. Вера вдруг захотела хлеба настолько сильно, что с досадой поднялась и купила две. Одну положила напротив Марка, совершенно не подумав. Он посмотрел на неё с любопытством.

— Мне нельзя? — спросила она.

— Можно. Вкус останется. Питания почти не даст.

— А я и не собиралась вас кормить. Просто неприятно есть одной.

Марк взял булочку. Отломил небольшой кусок и, кажется, в самом деле наслаждался запахом корицы. Вере стало легче ненавидеть его, когда он сидел напротив на расстоянии стола, а не говорил из темноты.

Телефон завибрировал. Дина прислала короткое сообщение: «Служебный фургон числится списанным два года назад. Номер был прикреплён к ночной клинике на Гаванской». Следом появился снимок печати с гербом фонда. Подруга умела доставать сведения без романтического пафоса.

— Вот первый настоящий след, — сказала Вера и показала экран.

Марк выпрямился.

— Это их распределительный пункт. Туда не пускают внешних врачей.

— А теперь, возможно, пустят. У моей подруги есть удостоверение судебного медика.

— Никого туда не ведите. Пока не поймём, кто распоряжается охраной.

— Вы не командуете мной.

— Предупреждаю. Простите, я делаю это не всегда удачно.

Вера достала вторую ручку и обвела в тетради слово «Гаванская».

К шести утра они встретились с Диной возле больничного морга. Дина была невысокой, с коротко остриженными волосами и тёмными кругами под глазами. Она бросила на Марка быстрый взгляд и повела Веру под навес, где пахло мокрой штукатуркой и кофе из автомата.

— Напоминаю, что я работаю с мёртвыми людьми, — сказала Дина. — И не обязана любить тех, кто делает из живых мёртвых.

— Очень ценное качество для судебного врача, — ответил Марк.

— И ещё я терпеть не могу, когда свидетели исчезают. Подруга, покажи фотографию.

Вера открыла снимок листа. Дина увеличила третью строку.

— Таисия Рекут, — прочитала она. — Не мертва. Я принимала её после обморока в августе. Была анемия, следы частых венепункций. Она твердила, что ей нельзя появляться в городской больнице. Потом её увезли до окончания обследования под видом родственников.

— Вы сообщили? — спросил Марк.

— Я составила акт. Его отозвали через сутки. Начальник сказал: «Не ваше дело». Угадайте, кому принадлежала машина?

Вера и Марк переглянулись. Вера первой отвела взгляд. Не нравилось ей, как быстро между ними возникало это молчаливое понимание.

Дина достала из кармана конверт. Внутри лежала копия медицинской карты с отметкой о пациентке без документов и рукописной фразой: «Не просите меня остаться. Они записали, что я умерла».

— Согласие на изъятие материала у неё проверяли? — спросила Вера.

— Никто не мог ответить. Вот где дело уголовное, а не только мистическое. Человек имеет право отказаться. Даже если ему приходится сдавать кровь ради другого человека. Даже если другой без неё умрёт.

Марк кивнул. На коже у его виска выступила почти незаметная испарина. Вера поняла: он слушает слова Дины с сосредоточением человека, которому самому придётся принять неприятное решение.

Дина повела их в небольшой кабинет рядом с приёмным отделением. На полу стоял обогреватель, в окне виднелись пожелтевшие ветви липы. Здесь было легче говорить, чем в коридоре, где каждую фразу могли принять за нарушение служебной тайны. Дина положила карту Таисии на стол, но закрыла рукой часть с медицинскими сведениями.

— Я могу показать вам только то, на что у меня есть законное основание, — предупредила она. — Это не повод присвоить весь чужой анамнез. Вы оба слишком любите списки.

— Я люблю списки, которые можно сверить, — сказала Вера.

— А я списки тех, кто ещё жив, — ответил Марк.

Дина посмотрела на него с холодным интересом.

— Тогда начнём с простого. Как по закону выглядит добровольная процедура для ночного гражданина?

Он заговорил спокойно, словно давал показания студентам-медикам: осмотр донора; отдельное согласие на конкретную сдачу; информация о количестве крови и целях использования; право отказаться без давления; обязательный интервал между процедурами; лабораторный контроль и учёт использования полученного материала. Система должна была защищать и того, кто отдаёт кровь, и того, кому она нужна.

— А если донор не хочет быть узнанным? — спросила Вера.

— Личность знает медицинская служба и уполномоченный аудитор, но не получатель крови. Ночной не имеет права искать человека по чужому воспоминанию или адресным данным. Это было одним из важнейших условий Пакта.

— И вы его подписывали?

— Нет. Я тогда был в Невене недавно, а переговоры вели старшие общины. Но участвовал в пересмотре закона спустя тридцать лет. По моему настоянию туда внесли запрет на «соглашения навечно».

Дина постучала пальцем по документу.

— Здесь стоит формула именно такого соглашения. Не слово «навечно», конечно. «Необратимое распоряжение до завершения попечительства». В юриспруденции полно красивых способов не произносить то, что делаешь.

Вера переписала формулировку. У неё возникло неприятное чувство: система насилия не была спрятана где-то за городом под ржавыми замками. Её язык печатали на официальных

бланках. Его дополняли сносками. Для него находили более мягкие слова на очередном заседании комитета.

С дверью кабинета едва не столкнулась женщина в тёмно-зелёном халате. Она выглядела на пятьдесят с небольшим, волосы были туго стянуты в пучок. Увидев Марка, женщина остановилась.

— Ночной регистратор, — сказала она. — Какая честь. Кого на этот раз нам велено не замечать?

— Ольга Сергеевна, — резко произнесла Дина, — мы обсуждаем карту пациентки.

— Вот именно. По этой карте мне пришёл запрос: удалить сведения о посещении отделения. Ссылаются на акт о защите персональных данных умершей. Я отказалась. Теперь завотделением велел провести внутреннюю проверку. Интересно, кто у нас умер — пациентка или закон?

Вера шагнула вперёд.

— Вы сохранили запрос?

— На своей служебной почте. Кому вы нужны?

— Я реставратор архива. Пытаюсь установить, почему женщина, признанная мёртвой, зарегистрирована как донор через семь лет после смерти.

Врач посмотрела на неё, потом на Марка. Её гнев чуть стих.

— У меня была такая пациентка. Отёки, слабость, железо почти на нуле. Она боялась назвать адрес и просила позвонить брату. Через два часа явились люди с документом о переводе. Бумага была правильная. Печать настоящая. А рука у пациентки дрожала так, что она не могла даже расписаться в получении вещей. Я сказала, что транспортировать её опасно. Мне ответили: «Спасибо за мнение».

— Вы видели, кто подписал перевод? — спросила Вера.

Ольга прищурилась.

— Имя помню. Велич. Но у нас очень многие бумаги подписаны чужой рукой. Я не стала бы обвинять человека только по печати.

Она произнесла последнее, глядя прямо на Марка. Он не попытался отвести глаза.

— Вы правы, — ответил он. — Но я обязан объяснить, почему допустил доступ к своему имени.

Ольга коротко кивнула, как врач, принимающий честное, но бесполезное признание.

— Тогда объясняйте не мне. Моей пациентке. Если найдёте её живой.

После её ухода Дина достала из шкафа старый закон о ночном донорстве. На полях документа были карандашные пометки, которыми кто-то выделял основания для отказа в процедуре. Вера узнала отцовскую манеру писать цифры — с короткими горизонтальными линиями в семёрках. Обложка оказалась подписана его именем. Дина удивлённо подняла брови.

— Я принесла эту книгу из архивного отдела больницы ещё в университете. Мне её дал старый преподаватель, когда я писала работу о согласии на медицинские вмешательства. Не знала, что это принадлежало твоему отцу.

Вера провела по буквам пальцем. Отец не появился чудом; просто мир внезапно оказался полон следов его заботы, которых никто раньше не связывал между собой.

На одном развороте Лев выделил фразу: «Право на отказ сохраняется при любом состоянии здоровья получателя». Рядом написал: «Если нет права отказать, нет и добровольной помощи». Вера положила книжку на сканер. Ей захотелось на секунду показать эту страницу Марку как обвинение, но она увидела, что он уже читает её.

— Он спорил со мной из-за этой формулировки, — сказал Марк. — Я тогда предлагал исключение на время катастрофы. Лев отвечал: исключение останется после катастрофы, и люди привыкнут считать его нормой.

— Оказался прав, — произнесла Дина.

— Да.

Вера смотрела на необычную усталость его лица. Смертному человек может изменить взгляды за одну жизнь, потом состариться вместе со своими ошибками. Марк был вынужден снова и снова переживать себя прежнего, даже не всегда помня причину своих решений. Бессмертие не делало его мудрее автоматически. Возможно, напротив: оно позволяло слишком долго оттягивать признание ошибки.

— Почему ночные вообще согласились жить по человеческим законам? — спросила Вера.

— Потому что цена свободы хищника была слишком высокой, — ответил он. — До Пакта мы прятались. Иногда кормились с согласия, иногда пользовались бедностью и страхом. Голодающие нападали. Люди отвечали охотами, погибали и виновные, и невиновные. Закон был попыткой перестать делать вид, будто насилие — естественная плата за существование одной из сторон.

— А донорам платят?

— Компенсируют расходы и время по общим медицинским правилам. Не за миллилитры крови. Прямая плата за дозу запрещена: иначе самые бедные всегда будут чувствовать, что не имеют права отказаться.

— Значит, фонд обходит сразу два запрета: покупает людей долгами, а затем объявляет их несуществующими.

— Похоже на то.

Вера внесла в тетрадь новую колонку: «Кому выгодно». Рядом — «Кто контролирует печать», «Кто получает прибыль», «Кто обязан был проверять». До этой минуты дело казалось ей историей одной неправильной подписи. Теперь стало ясно, что это система из врачей, бухгалтеров, чиновников и людей, которым выгодно не замечать того, что они видят. Чтобы её разрушить, не хватит найти одного злодея и заставить признаться.

Дина закрыла карту.

— Мне нужно возвращаться в отделение. Вы не можете пользоваться этой историей как оружием в личной войне. Если Тая жива, она имеет право решать, что говорить и кому. Если нет… — Подруга остановилась, подыскивая слова. — Если нет, её тело не становится уликой без имени. Помните об этом, когда пойдёте в Палату.

Вера кивнула. Она понимала, что Дина говорит не только о Таисии, но и об отце. Семнадцать лет она искала доказательства смерти Льва и иногда ловила себя на страшной мысли: нашёлся бы хотя бы какой-нибудь ясный конец. Теперь у неё появился шанс узнать больше. И она не хотела превращать судьбы остальных в разменную монету ради своего ответа.

В коридоре их остановил охранник больницы и попросил показать документы. На груди у него висел свежий бейдж с гербом городской Палаты. Вера замерла; над входом появилась ещё одна камера. Марк достал лицензию и спокойно спросил основание проверки. Охранник промямлил о новом порядке, который якобы действует с утра.

— Приказ опубликовали? — спросила Вера.

— Нам передали устно.

— Тогда запишите мои паспортные данные в журнал посетителей, укажите своё имя и номер распоряжения, — сказала она. — Я буду рада получить копию, когда она появится.

Охранник смутился. На секунду в его лице мелькнула обыкновенная злость человека, которому приходится защищать распоряжение, которого он сам не читал. Он пропустил их.

— Ваш отец говорил точно так же, — заметил Марк на улице.

— Не надо делать из этого комплимент.

— И не собирался.

Она посмотрела на него. Он неожиданно улыбнулся — едва заметно, без осторожной официальной вежливости.

— Иногда вы похожи на него как два одинаково неудобных вопроса, — сказал Марк.

Вера не улыбнулась в ответ. Но в её записной книжке появилась новая строка: «Марк помнит отца. Проверить, что именно». Это было первое упоминание его имени без слова «подозреваемый» рядом.

Вера открыла в тетради новую страницу и написала: «Согласие не должно переживать волю человека». Она понимала, что формулировка юридически не безупречна, но в ней была правда, которую невозможно скрыть длинным договором. Марк заметил запись и попросил разрешения добавить своё замечание. Она подвинула тетрадь.

«Без проверки согласия не бывает законного кормления», — написал он, затем поставил рядом дату.

— Даже если ты умрёшь от голода? — спросила Вера.

— Особенно тогда. Иначе страх смерти станет разрешением на всё.

Она посмотрела на него уже не как на человека с фамилией, написанной под старым приказом, а как на того, кто наконец произнёс условие собственного существования. Верить этому пока было нельзя. Но теперь было с чем сверять его поступки.

В это утро Вера впервые увидела Палату ночного надзора изнутри. В холле стоял металлический макет города: районы отмечались маленькими огнями, зелёные указывали лицензированные станции крови, жёлтые — госпитали, красные — запретные зоны забора. Развлекательный экран рассказывал посетителям, как общество научилось сосуществовать с ночными гражданами. На фотографии в центре Марк Велич пожимал руку Ирине Ратовой; у него было то же лицо, что сейчас, только глаза казались спокойнее.

— Давно снимали? — спросила Вера.

— Девять лет назад. Помню костюм. Не помню день.

Она не нашла ответа.

Палата работала с восьми. Вера представилась реставратором, сообщила о подозрительных бланках и потребовала регистрационный журнал. Невысокий чиновник за стойкой не стал спорить. Он проверил фамилию в компьютере, кивнул и попросил подождать в комнате для заявлений. Марк, стоявший за её спиной, незаметно положил на стойку свою лицензию.

— Я присутствую как уполномоченный регистратор, — сказал он.

Чиновник побледнел. Он указал на дверь не комнаты для заявлений, а бокового коридора. За прозрачной перегородкой Вера увидела женщину лет шестидесяти с серебристой причёской. Ирина Ратова подняла глаза от бумаг, встретилась взглядом с Марком и улыбнулась почти ласково.

— Старые друзья, — прошептала Вера.

— Старые обязанности, — ответил он.

Ратова встретила их за столом без единого лишнего предмета. Её кабинет пах дорогим чаем и чистыми, идеально сухими папками. Она попросила Веру сесть, выразила сочувствие в связи с «недоразумением» в архиве, пообещала внутреннюю проверку. Марка она не попросила ни о чём.

— Ваш отец был талантливым человеком, Вера Львовна, — сказала Ратова. — Слишком талантливым для города, который предпочитает спокойствие.

— Вы знали его?

— Он задавал неудобные вопросы. Как и вы. В вашем случае, надеюсь, всё закончится без беды.

— Это угроза или добрый совет?

— Вы воспринимаете заботу как принуждение. Понимаю: архивы воспитывают подозрительность.

Вера положила на стол не оригинал, а фотографию документа. Ратова рассматривала её недолго.

— Подделка, — заключила она. — В Палате таких форм не существует.

— Значит, вы разрешите независимую экспертизу?

— Разумеется. После передачи оригинала под нашу охрану.

— А вы дадите мне расписку с номером поступления, временем и именем ответственного?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.